

В добрый путь, молодежь! САМЫЙ ЮНЫЙ

ПЕРЕПОЛНЕННЫЙ зал аплодирует. Стройный юноша в очках благодарно раскланивается; он смущен и взволнован — музыкант в первый раз выступает перед такой многочисленной и взыскательной аудиторией... Было это в Минской высшей партийной школе, и выступил перед ее слушателями Се-

режа Кортез — самый молодой из профессиональных композиторов нашей республики. Встреча эта была для него по-особому знаменательной: несколько лет раньше его пригласил в Союз композиторов, и вот теперь вместе со старшими коллегами, известными деятелями искус-

ства он выносил на суд общественности свои сочинения. Сочинений в «активе» Кортеза пока еще немного, как немного и прожитых лет. Однако и то, и другое — творчество, и биография молодого человека — интересны и своеобразны.

Родился Кортез в Аргентине, там прошло его детство. А в 1955 году он приехал на родину матери — Советскую Белоруссию. Как и для каждого человека в нашей стране, для него распахнулись широко двери к знаниям, к творчеству. Одаренного юношу приняли в Белорусскую консерваторию, которую он с успехом закончил по классу композиции профессора А. Богатырева. Уже первые работы Кортеза свидетель-

ствовали о его одаренности, о вдумчивом и остром восприятии жизни. Да, он сочинил еще немного. Но не о прожитых годах — «спешного поиска» идея и нас не смущает. Словитый дар молодого композитора очевиден и он, этот дар, широко проявился в частности в двух вокальных произведениях развернутой формы, которые были представлены Кортезом на упомянутом мной вечере. Одно из них — баллада для баритона с фортепиано «Холод материнского слова Е. Егупшеню. Произведение это наполнено глубокими раздумьями, согрето щедрой сердечностью, теплотой. Вторая баллада — «Охота на людей» — написана композитором на слова африканского поэта Жана Лезуара. В остродра-

матическом ключе разрабатывает Кортез тему оверзулы, погоня «восточной» за «западной». Генизм протеста в амплуа нашего века звучит темпераментный голос композитора. Талантливые произведения Кортеза, его успешная преподавательская работа в Минском музыкальном училище представляются мне яркими обещаниями на пути его композиторского творчества. Хотелось бы пожелать Сергею Кортезу, такому молодому из нас, крылатого полета к вершинам творческих радостей и побед.

Д. ЛУКАС, заслуженный деятель искусства Белоруссии.

Новые роли дебютны ввожу

Фото Ю. ПЯСНЕГО.

Ридовой СПЕНТАЙЛЬ, не один из тех молодых артисток на сцене театра, очерченная роль, порученная артистке труппы, отнюдь не новичку в вокальном искусстве. Обычно такая роль проходит незамеченной ни прессой, ни общественностью, ни зрителем. Но на сей раз трудно было бы удержаться от мысли, что события в жизни солистки Московского музыкального театра имени Народных артистов К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, и не только потому, что роль Мэри Чинг Сан в опере «Мэри Чинг Сан» — это не только исполнение роли, но и участие в постановке, в создании образа. Мэри Чинг Сан — это не только исполнение роли, но и участие в постановке, в создании образа. Мэри Чинг Сан — это не только исполнение роли, но и участие в постановке, в создании образа.

I. ЧУДА НЕ ПРОИЗОШЛО...

Почему они все-таки появляются, почему они появляются? Как часто приходится слышать этот вопрос в толпе, выходящей из кинотеатра, в вагоне метро, за семейным столом. Он настойчиво звучит в сотнях писем, приходивших в редакцию. Нет ничего удивительного в том, что зрители и читатели просят такую высокую требовательность к киноискусству. Наша массовая культура развивается на самом высоком уровне. Где бы ни была снята картина — в столице или на периферийной студии, ее идея и художественная полнота — это то, что должно быть в киноискусстве. Наша массовая культура развивается на самом высоком уровне. Где бы ни была снята картина — в столице или на периферийной студии, ее идея и художественная полнота — это то, что должно быть в киноискусстве.

II. КТО, КТО В ТЕРМОЧКЕ ЖИВЕТ...

Эта студия, представляющая собой собой как бы микрореспублику Урала и Сибири, и известное смысле беспредела. Здесь под одной крышей и под одной администрацией руково-дством живут три довольно обособленных творческих организма — студия научно-популярных фильмов, студия юмористических фильмов, студия художественных фильмов. Задача, обязанность, работа у всех разные, планы — то-

III. КОЛИЧЕСТВО ПЕРЕХОДИТ В КАЧЕСТВО

Нужно ли в этой студии считать художественные фильмы? Такой вопрос, разумеется, возникает не только перед корректором газеты, автором телевизионной студии. Он давно уже волнует и свердловских кинематографистов, и общественность. Тревога и чувство неуверенности достигли своей высшей точки два года назад, когда было получено указание составлять план без игровых картин. Правда, позднее удалось доказать их право на существование, но последствия этого «колебания» породили много отрицательных на сценарном, портфельном и плане студии пожинать до сих пор.

IV. ШЕДРОСТЬ БОГАТОЙ ДУШИ

Жизнь у нас учителя Валентина Сергеевича Михайлова. Она оставила глубокий, яркий след в душе каждого, кто был с ним знаком. Не только нас, ребят, Валентина Сергеевича поразила своей эрудицией. Она любила и поощряла музыку, много читала, знала советских и зарубежных художников, увлекалась театром. Любви к книгам, искусству, мы во многом обязаны именно ей. Нас всегда поразила широта ее интересов. Она могла говорить о классике (примечание, всегда что-то свое, не книжное) и о только что появившихся повестях и романах, знала молодых, многих даже по именам, неизвестных поэтов, всегда могла посоветовать, что читать, на что обратить внимание. Нас всегда поразило, как у нее хватало времени все прочитать, все узнать, со всем познакомиться. Ведь у нее семья, да и работа педагога, как никакая другая, требует затрат времени.

V. НЕ МОГУ ЖИТЬ БЕЗ ИСКУССТВА

Может быть, это не совсем удобно, но я хочу рассказать о себе. Родился и учился я в селе. Родило у нас не было. Родители мои, люди преклонного возраста, не могли научить меня любить музыку. Когда у соседей появились приемники, питавшиеся от батарей, все мы собирались у них слушать радио. И стоило зазвучать музыке, соседи невольно говорили: «Опять забрехала!» Теперь стыдно признаться, но я соглашалась с ними. Когда я семилетка, начала работать, а музыку по-прежнему считала вредной. Но вот однажды по радио передавали рассказ Паустовского «Корзина с оловянной игрушкой». В передаче звучала музыка Грига. Впервые в жизни я опустила волон и заплакала: а так ли в самом деле похорошеет музыка? Уже с другим отношением, выжидательно и серьезно, стала я слушать музыку.

VI. ЧУДА НЕ ПРОИЗОШЛО...

Почему они все-таки появляются, почему они появляются? Как часто приходится слышать этот вопрос в толпе, выходящей из кинотеатра, в вагоне метро, за семейным столом. Он настойчиво звучит в сотнях писем, приходивших в редакцию. Нет ничего удивительного в том, что зрители и читатели просят такую высокую требовательность к киноискусству. Наша массовая культура развивается на самом высоком уровне. Где бы ни была снята картина — в столице или на периферийной студии, ее идея и художественная полнота — это то, что должно быть в киноискусстве.

МАЛЕНЬКАЯ СТУДИЯ И БОЛЬШОЙ ЭКРАН

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА» НА УРАЛЕ

терских удач (их нет, ни одной!) и на редкость скудное операторское решение фильма, без ощущения красоты природы, ее поэзии (оператор И. Лушин). И это в картине о русском лесу! Какой уж тут лес, серая!

1964), запомнились зрителям и творческим кругам, как «Огненные колесницы» (фильм Всесоюзного кинофестиваля в Ленинграде, 1964). Картина режиссера В. Григорьева «Там, где бежит олень» получила диплом на Международном фестивале в Сан-Франциско в 1961 году, работа молодого режиссера Л. Ашонадзе «Техника безопасности при ремонте и осмотре вагонов на пунктах технического осмотра» — вторую премию на Дреидиумом международном фестивале железнодорожных фильмов в 1964 году.

Если бы студия создавала волнующие ленты об уральцах и сибиряках, наполненные художественной летописью современности, можно было бы не ставить ей в упрек и такой пристрастие к приключенческому жанру. Но ведь нет этих лент!

— Ну вот и отлично! — скажет нетерпеливый читатель. Теперь все сложности станут достоянием истории. Но в том-то и суть, что студии именно в этой обстановке хронической перестройки необходимы самые пристальное внимание и помощь, чтобы не «по валу», не простыми делами, а с помощью «зеленых домов» выполнялись ее планы, а полноценными кинопроизведениями. И перед лицом новых задач еще более необходимо выдвигать сегодняшнее положение дел.

VI. ЧУДА НЕ ПРОИЗОШЛО...

Почему они все-таки появляются, почему они появляются? Как часто приходится слышать этот вопрос в толпе, выходящей из кинотеатра, в вагоне метро, за семейным столом. Он настойчиво звучит в сотнях писем, приходивших в редакцию. Нет ничего удивительного в том, что зрители и читатели просят такую высокую требовательность к киноискусству. Наша массовая культура развивается на самом высоком уровне. Где бы ни была снята картина — в столице или на периферийной студии, ее идея и художественная полнота — это то, что должно быть в киноискусстве.

VI. ЧУДА НЕ ПРОИЗОШЛО...

Почему они все-таки появляются, почему они появляются? Как часто приходится слышать этот вопрос в толпе, выходящей из кинотеатра, в вагоне метро, за семейным столом. Он настойчиво звучит в сотнях писем, приходивших в редакцию. Нет ничего удивительного в том, что зрители и читатели просят такую высокую требовательность к киноискусству. Наша массовая культура развивается на самом высоком уровне. Где бы ни была снята картина — в столице или на периферийной студии, ее идея и художественная полнота — это то, что должно быть в киноискусстве.

VI. ЧУДА НЕ ПРОИЗОШЛО...

Почему они все-таки появляются, почему они появляются? Как часто приходится слышать этот вопрос в толпе, выходящей из кинотеатра, в вагоне метро, за семейным столом. Он настойчиво звучит в сотнях писем, приходивших в редакцию. Нет ничего удивительного в том, что зрители и читатели просят такую высокую требовательность к киноискусству. Наша массовая культура развивается на самом высоком уровне. Где бы ни была снята картина — в столице или на периферийной студии, ее идея и художественная полнота — это то, что должно быть в киноискусстве.

VI. ЧУДА НЕ ПРОИЗОШЛО...

Почему они все-таки появляются, почему они появляются? Как часто приходится слышать этот вопрос в толпе, выходящей из кинотеатра, в вагоне метро, за семейным столом. Он настойчиво звучит в сотнях писем, приходивших в редакцию. Нет ничего удивительного в том, что зрители и читатели просят такую высокую требовательность к киноискусству. Наша массовая культура развивается на самом высоком уровне. Где бы ни была снята картина — в столице или на периферийной студии, ее идея и художественная полнота — это то, что должно быть в киноискусстве.

VI. ЧУДА НЕ ПРОИЗОШЛО...

Почему они все-таки появляются, почему они появляются? Как часто приходится слышать этот вопрос в толпе, выходящей из кинотеатра, в вагоне метро, за семейным столом. Он настойчиво звучит в сотнях писем, приходивших в редакцию. Нет ничего удивительного в том, что зрители и читатели просят такую высокую требовательность к киноискусству. Наша массовая культура развивается на самом высоком уровне. Где бы ни была снята картина — в столице или на периферийной студии, ее идея и художественная полнота — это то, что должно быть в киноискусстве.

VI. ЧУДА НЕ ПРОИЗОШЛО...

Почему они все-таки появляются, почему они появляются? Как часто приходится слышать этот вопрос в толпе, выходящей из кинотеатра, в вагоне метро, за семейным столом. Он настойчиво звучит в сотнях писем, приходивших в редакцию. Нет ничего удивительного в том, что зрители и читатели просят такую высокую требовательность к киноискусству. Наша массовая культура развивается на самом высоком уровне. Где бы ни была снята картина — в столице или на периферийной студии, ее идея и художественная полнота — это то, что должно быть в киноискусстве.

VI. ЧУДА НЕ ПРОИЗОШЛО...

Почему они все-таки появляются, почему они появляются? Как часто приходится слышать этот вопрос в толпе, выходящей из кинотеатра, в вагоне метро, за семейным столом. Он настойчиво звучит в сотнях писем, приходивших в редакцию. Нет ничего удивительного в том, что зрители и читатели просят такую высокую требовательность к киноискусству. Наша массовая культура развивается на самом высоком уровне. Где бы ни была снята картина — в столице или на периферийной студии, ее идея и художественная полнота — это то, что должно быть в киноискусстве.

ПОИСКИ

Звучит советская музыка

СЛУЧАЛОСЬ ЛИ ВАМ, распахнувшись в молчание комнаты звукам? Здесь и рокот, гул, шуршание машин, и гудки, и обрывки речи прохожих, и отдаленный грохот и азарт строительных работ, и еще тысячи звуков, гулов, шумов, составляющих в совокупности «музыку» сегодняшней кинувшей, стремительно несущейся вперед жизни.

Может показаться странным назвать такую «музыку» разрозненной и неполной. Но это не так. Просто мы привыкли к музыке, которую мы слышим в концертном зале, в оперном театре, в филармонии. Но музыка — это не только то, что мы слышим в концертном зале, в оперном театре, в филармонии. Музыка — это и то, что мы слышим в жизни.

Да, видимо, и это. Но лишь в какой-то мере. Поначалу кажется, будто в партитуру симфонии много — слушатель так невольно замечает, что тут слышно и гаснет в оркестре тембра отдельных инструментов и самых диких сочетаний их — словно наудачу, бросаются композитором на холст партитуры звуковые мазки. Но слушатель эта — мимика. За кажущейся разрозненностью звуковых впечатлений постигаешь логику общего симфонического развития, внутренне единство замысла композитора. Что в основе этого замысла? Но здесь мы сразу же хотим заметить несомненное «что» на фоне, на фоне — это не музыка, а музыка.

Об этом говорит не только сама музыка, но и то, что предшествует ей. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка.

Об этом говорит не только сама музыка, но и то, что предшествует ей. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка.

Об этом говорит не только сама музыка, но и то, что предшествует ей. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка.

Об этом говорит не только сама музыка, но и то, что предшествует ей. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка.

Об этом говорит не только сама музыка, но и то, что предшествует ей. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка.

Об этом говорит не только сама музыка, но и то, что предшествует ей. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка.

Об этом говорит не только сама музыка, но и то, что предшествует ей. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка.

Об этом говорит не только сама музыка, но и то, что предшествует ей. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка.

Об этом говорит не только сама музыка, но и то, что предшествует ей. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка.

Об этом говорит не только сама музыка, но и то, что предшествует ей. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка.

Об этом говорит не только сама музыка, но и то, что предшествует ей. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка.

Об этом говорит не только сама музыка, но и то, что предшествует ей. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка.

Об этом говорит не только сама музыка, но и то, что предшествует ей. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка.

Об этом говорит не только сама музыка, но и то, что предшествует ей. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка.

Об этом говорит не только сама музыка, но и то, что предшествует ей. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка.

Об этом говорит не только сама музыка, но и то, что предшествует ей. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка.

Об этом говорит не только сама музыка, но и то, что предшествует ей. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка. Это не музыка, а музыка.

